

12. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984.

13. Кузнецов А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии // Слово в грамматике и словаре – М.: Наука, 1984.

14. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. – М.: Изд-во Моск. пед-института иностр. яз. им. М. Горького, 1971. – Ч. 1.

Онимы Белгородской области

М.В. Федорова

С середины XX в. широко развернулась работа по изучению топонимов и других онимов России и всех входивших ранее в состав СССР союзных республик. В настоящее время такая работа продолжается, но по Белгородской области (далее – БО) такой материал пока освещен недостаточно. Ранее нами были отмечены топонимические архаизмы среди ойконимов БО типа **Гора-Подол**, **Верхососна** и под. (1, с.169); в работе И.И.Жиленковой описана ойконимия БО с преобладающими рус./слав. базами (2); было обращено внимание на фонетические явления в русских фамилиях нашего региона (3), ибо Белгородская область была создана лишь в 1954 г. объединением Курской и Воронежской областей. Ранее все эти земли входили в Воронежский край, поэтому рассмотрение материалов БО предполагает обращение внимания и на смежные территории. Топонимы южнорусских областей, находящихся в основном на Среднерусской возвышенности (далее – СРВ) (4), показали обитание здесь разноэтничных и разнолингварных коллективов (5), что потребовало уточнений применительно к БО (6, с.24-28). Часть собранного нами материала позволила выделить факты, связанные с финно-угорскими языками (7), но часть его потребовала специального освещения, чем и определяется опубликование предлагаемой статьи.

Прежде всего следует выделить то, что **южнорусские области находятся на Среднерусской возвышенности, которая не была закрыта ледником**, а поэтому была единственной зоной, возможной для лучшего обитания людей. Ее древнейшие обитатели оставили замечательный памятник искусства – «палеолитическую Венеру» из Авдеевской стоянки близ Курска с подобными ей из раскопок, проведенными между Воронежем и Липецком.

Доступ на СРВ с запада был невозможен при огромном заводнении Европы. Языковые данные позволяют предположить, что первопоселенцами на СРВ были беглые плебеи и рабы из области рабовладельческого Присредиземноморья – в связи с рядом древних арабизмов в языках народов Восточной Европы (8). Это были люди разных племен и разной речи, но на СРВ они постепенно образовали праадыгский комплекс, который позднее стал основой для ряда современных адыгских языков и народов. Условно образование этого комплекса относим к VII-VI тыс. до н. э., ибо курскую Венеру можно датировать V тыс. до н. э. Лишь позднее сюда, на СРВ, пришли предки финно-угров, еще позднее – предки индоевропейцев. Предлагаемая нами схема обусловлена излагаемым ниже материалом, облегчая его понимание.

Воронежский край ранее воспринимался на фоне так называемого «Дикого поля», на котором бывали и скифы, и гунны, и печенеги, и половцы, и хазары, позднее – татаро-монголы. Наши материалы показали, что в онимах БО и смежных областей действительно есть факты угорской, мордовской, пермской, саам-

ской речи, есть немногочисленные тюркизмы и поздние западные включения, но не более. Половцев считают тюркоязычными (9, с.87), но тогда тюркизмы были бы обильными; о харзарах же, их обычаях и языке сведений почти нет (10, с.33). Остающийся в нашем распоряжении материал излагаем в связи с опорными для нас ойконимами Белгородской области, изредка привлекая данные по другим регионам России и Восточной Европы, но прежде всего обращаем внимание на гидроним **Псёл** с притоками **Пселец** и **Псинка**.

Название р. **Псёл** М.Фасмер связывает с **пёс**, что поддерживает и О.Н.Трубачев, отклоняя предложенное Поляком сопоставление с убых. **бзи, бзе** «вода» (11, с.397). Прежде всего напомним, что **Псёл** – л.пр.Днепра, начинающийся на СРВ и проходящий затем по Украине до устья. На всем пути реки ранее были этносы, имевшие сочетаемость звуков **пс**, что для ранних славян необычно. Кроме этого важно, что в Новгородской обл. и Беларуси есть реки **Псуя, Псижа, Псинка**, на юго-западе – рукав Днепра **Псоля**, на юг от БО – р. **Кубань** при старом адыг. ее названии **Псыж**, букв. «река старая». Таким образом, гидронимы с начальной группой **пс** охватывают всю Восточную Европу. Привлечение Поляком убых. слов оправдывается тем, что при р. **Бзыбь** в Абхазии есть р. **Бзыпта** в Рязанской области.

В дореволуционный период языки народов Северного Кавказа были еще почти не изучены и часто вкуче именовались **кавказскими**. Н.Я.Мартр, называя их яфетическими, считал языками большой степени древности. Наша гипотеза является иной: «кавказские» языки сформировались достаточно поздно в результате консолидации южных пришельцев в область Среднерусской возвышенности. Лишь намного позднее сложилась действительно языковая семья, которую называют северо-западно-кавказской, для краткости – адыгской. Кроме нее на Северном Кавказе существуют еще две языковые семьи – вейнахская, или нахская, и дагестанская. В адыгскую семью в настоящее время входят языки кабардинско-черкесский, абхазский, абазинский, адыгейский и убыхский*; говорящие на этих языках народы занимают большую часть Северного Кавказа.

После окончания оледенения увлажненность земель Восточной Европы была очень высокой, наилучшей для обитания была Среднерусская возвышенность с развивающейся лесостепной растительностью и обильными землями, что характерно и для современной Белгородской области. Обращаемся к рассмотрению ряда ойконимов БО, отмечая в ряде случаев и фамильные антропонимы (**ф.**) нашего региона; располагаем ойконимы в алфавитном порядке.

Бабичев и **Бабичево**, **ф. Бабич, Бабичев** – каб. **бабыш** «утка». О первичности ойконима или антропонима судить трудно.

Гвоздиков в БО перекликается с **Русской Гвоздевкой** Воронежской обл., возможно, – с **Гвоздец** на Украине. Русские селения не имели специализации по изготовлению гвоздей, определение **Русская** не позволяет думать только о позднем прозвище. Первому ойкониму наиболее соответствует каб. **уэздыгъей** «сосна», получившее протетический **г** и подчинившееся рус. модели на – **ов**. В лесостепи сосны нечасты, поэтому ойконим был оправдан. Каб. **уэздыгъей** имеет обычный аффикс **деревьев** – **ей**: груша плод – **кхъужь**, груша дерево – **кхъужей** и под. Заслуживает внимания то, что свеча в каб. называется **шэху уэздыгъэ**, где **шэху** «воск», второй же компонент соположим с названием сосны без части – **ей**. Отсюда можно предположить, что в названии свечи отразилось древнее освещение с помощью горящей смолистой ветви сосны. Вместе с тем второе каб. название свечи **кӀэртӀоф уэдыгъэ**, где первый компонент –

---

* В тексте статьи приводим ст.-каб. слова без диакритик; лексику языков, использующих латиницу, даем в русской транслитерации.

«картофель», позволяет думать о слове со значением «цветок» – удз дахэ, букв. «трава красивая», которое превратилось в омофон к названию сосны уже сравнительно поздно. Произошло выделение более важного на фоне менее важного: цветок – на стебле, огонь – на свече, что десемантизировало каб. шэху уэздыгъэ, но до этого процесса огонь на конце горящей ветви отразился в русском названии лугового цветка со смолистым стебельком – гвоздика, что позволяет отклонить предлагаемую связь цветка с гвоздикой кулинарного назначения (12, с.399).

Жабское, ф. Жабицкий. Ойконим нельзя соотносить с базой апеллятива **жаба**, не разрешающего суффикса – ск-. В адыг. имел место процесс, сходный с процессом палатализации слав. заднеязычных согласных, в частности переход г в дж/ж. Учитывая этот процесс, приводим ст.-каб. **габе**, совр. **джабэ** «склон горы»; в Беларуси – Ст. и Н. **Габы**. Сюда же – ф. **Габин, Габинский**.

Кощеево может быть связан с прозвищем человека. Однако в др.-рус. **кощей** «раб», хотя уже как редкое слово. Название **кощей** мы понимаем как слово, выделяющее из круга «своих» холопов человека, купленного из числа пленных, при каб. **къэщэ-хун** «покупать», **къэщэхуа** «купленный». Возможно, с этой же базой связаны ойконимы **Кощин** и ф. **Кощихин**.

Кубраки – каб. **къэрабгъэ** «боязливый, трусливый; трус» – при метатезе согласных. Возможно, к этой же основе восходят **кабарга** и рус. **карабкаться** «медленно/нерешительно ползти».

Ойконим **Кукаречин** может быть связан с прозвищем, но прозвище связано с рус. междометием **кукареку** – о крике петуха, имеющему аналоги в ряде ф.-уг. и и.-евр. языков (13, с.407), восходящему ко второму компоненту адыг. фразы **Дьээр къыкъо-кIри** «Солнце восходит». Слово было воспринято без понимания смысла – лишь как сигнал пробудки. Понятно, что для этого и адыги, и финно-угры, и индоевропейцы должны были находиться неподалеку и быть количественно небольшими группами, что было возможно только на СРВ периода приблизительно IV-III тыс. до н.э.

Малахово, Мелихово, ф. Малахов, Мелуха, Мелихов – с аналогами от **Малаховка** в Подмосковье до **Малахова кургана** в Крыму – свидетельство уже развитого овцеводства. Ст.-каб. **малл** «овца», **маллухоэ**, **малухо** «овцепас, чабан» при совр. дифференциации **мэлыбз** «овца», **мэл** «баран», для «овчар/чабан» – **мэлыхуэ**, для «овцевод» – **мэлзехуэ**, **мэлгъэхуэ**. Едва ли не отсюда **меланхлены** Геродота с факультативной назализацией **анх**.

Набокино, ф. Набоков, Навоков – ст.-каб. **небга**, адыгейск. **нэбгэ** «женщина». Для этого значения К.-Б. дают **цыхубз**, **бзылхугъэ**, **фыз**.

В рус. – народно-этимологическое сближение с **бок-** при оглушении г, но суффикс – **ин-** в ойкониме говорит о сохранении женской семантики базы. В укр. и блр. сохраняется г, но семантика сужается и смещается: блр. **нябога** обл., 1. (обращение) «голубка»; 2. «племянница»; 3. «бедняга». В укр. – те же значения, но с дифференциацией муж. и жен. денотатов: **небіж** «племянник», **небога** «племянница» с одной формой множ. числа **небожата** «голубчики, милые». На последнюю форму могло повлиять и адыг. **ныбжьэгъу** «друг; сверстник; товарищ», откуда в первом слоге не а, а э.

Пенцево, Верхопенье, Нижние Пены свидетельствуют о древности именованья р. **Пена**, которое перекликается с названием р. **Пина** в Беларуси. Оба гидронима сопоставимы с каб. **пIын** «кормить; содержать». Известно, что реки донецко-донского региона были обильны рыбой, которую вывозили и за пределы «Скифии».

Хотмыжск, название двух сел, из которых большее – на месте города с тем же названием, построенного в 1640 г. на месте древнего Хотмыжского городища – руин города периода Киевской Руси. Ст.-каб. **хутмеш** «диакон», по Г.Ф. Турчанинову – со-

врем. **хьутІмэ еджакІуэ** «духовное лицо, читающее проповеди». Значения «поп», «священник» в современном каб. передаются соответствующими русскими словами; слова **дьякон** К.-Б. не приводят. Если **Хотмыжск** было значительным селением с религиозным центром, то интересна религия, которую здесь исповедовали. Этот вопрос пока остается открытым, но в связи с ним нужно отметить ойконим Воронежской области **Танцырей** при каб. **тхьэншэ** «безбожник»+**рей** как суффикс прилагательного – «селение безбожников». Если город в 1640 г. был построен на **Хотмыжском городище**, то суффикс – **ск-** к адыг. базе был присоединен еще в эпоху Киевской Руси.

Чаусово, ф. **Чаусов**, в Беларуси **Чаусы** – ст.-каб. **чауз** «мята», букв. «холодная трава». Г.Ф. Турчанинов приводит как соврем. каб. **щІыІэудз**, но К.-Б. для «мята» дают только **сырымэ**, то есть восточные славяне сохранили древнее каб. название этой травы в своих онимах.

Шеншиновка, ф. **Шеншин** – каб. **шыншэ** «безлошадный», где **шы** «конь»+**ншэ** – лишительный суффикс.

Шипы – каб. **щІыпІэ** «место», где **щІы** «земля», **пІэ** «место»: так было выделено или хорошее для поселения место, или возвышенность, в частности высокий берег реки. Последнее представляется более верным, ибо адыг. **щІыпІэ** было здесь, в Восточной Европе, заимствовано предками манси в виде **шип** «крутой пригорок, скат, склон, горка». **Шипов лес** близ г.Воронежа расположен именно на высоком берегу р.Воронеж. Та же база в ойкониме **Шипово** Липецкой обл., а **Шиповатое** Харьковской при манс. **оват** «берег» говорит о селе на высоком берегу реки. Порядок расположения компонентов в последнем ойкониме показывает, что часть **шип-** первична по отношению к – **оват**, финаль же – позднего слав. происхождения. Вместе с тем ряд **Шипы**, **Шипово**, **Шиповатое** говорит об устойчивости слова на СРВ.

Щельково, близ Москвы – г. **Щелково** – каб. **щхьэлкъуэ** «мельничный овраг» при **щхьэл** «мельница»; сюда же – ф. **Щёлоков**.

Особого внимания заслуживают ойконимы и другие онимы, отражающие разнообразие сложения разных эпох.

Цыхманов, ф. **Цыхманов** – сложение каб. **цІыху** «человек»/«мужчина» и и.-евр. **ман** с тем же значением. Важно, что в мордовском эрзя языке как название русского человека выступает не только **руз**, но и **цика**, что соответствует каб. **цІыху**, чем подтверждается древнее контактирование на СРВ адыгов, мордвы и славян, именно их юго-восточной части, именуемой русичами. Сюда же – ф. **Цыхун**, **Цеханович**.

Селишко – название села, то есть большого селения, что не позволяет понять часть – **шко** как суффикс пренебрежительности или уменьшительности. Ст.-каб. **шха**, совр. **щхьэ** «голова»; «главный» помогло выделить именно большое/главное селение.

Старокожево – сложение слав. **стар-** и ст.-каб. **коже**, совр. **къуаже** «деревня, селение», что говорит о длительном мирном сожительстве адыгов и местных славян.

Весьма важен тот русский факт, на который обратил внимание А.М. Селищев, выделивший в ряде топонимов суффикс, представляемый как **ище**. Топонимы с подобными финалями привлекли широкий круг исследователей, в том числе С. Роспонда, который представил реконструкцию предполагаемого суффикса в виде ***-итй-** со значением обладания/посессивности (14). Материал, собранный к настоящему времени, огромен. Он показывает вариативность облика этого суффикса в виде – **ищи/-ици/-щи/-чи/-ци**, вариативность слов с локативной и посессивной семантикой. Известно, что древнейшее словообразование было связано с простейшим соположением двух слов или основ. В этом плане важны такие древние ойконимы Беларуси, как **Быгча** при адыг. **быдэ** «твердый, прочный»+**чІы** «земля», **Батчи** при адыг. **батэ** «изобилие»+**чІы** = «обильная/богатая земля». Следовательно, и в слав. топонимах нужно прежде всего видеть обозначение «земли». Компонент – **и-** является более поздним. Он мог появиться

ся у славян и по фонетическим причинам – после согласных в производящих основах, мог закрепиться и как собственно адыгизм при атрибутивном понимании первого компонента сложения, как в приводимом Ш.Б.Нога сочетании **Инал** и **махуэ** «Иналов день», «день Инала». Вместе с тем нужно иметь в виду, что у слов **щЫ/чЫ** было значение не только «земля», но и «место», причем оба значения могли быть совмещены.

Со значением «место» или совмещенным рассматриваемый компонент представлен в ряде ойконимов БО от основ различного характера: три села **Городище** «земля/место, где ранее был город/селение», **Осколище** – на р.Оскол, **Столбище** при **Столбищи** близ Казани, **Стублище**, **Ваковщина**, **Сетище** от саам. **сыййт** «село». Возможно, и **Дорогощ** имело **щЫ** при слав. **дорога**. Слова **городище**, **селище** стали археологическими терминами. Фамилии **Селищев**, **Городищев**, **Городищенский** известны по всей России. От **Гостище** – **Гостищев** в БО утратило начальный **г** как слабый фрикативный и привело к появлению ф. **Оспищев**.

Ранее мы обращали внимание на то, что в разных языках народов Восточной Европы нашел отражение древний адыгский корень **лЫ** «мужчина» (15). Этот корень с древности оказался включенным и в ряд вост.-слав. мужских имен, два из которых отражены в ойконимах БО – **Жеребилов** и **Гнездилово**. Слово **гнездо** использовалось со значением «семья» – известен князь Всеволод Большое Гнездо. **Гнездило** и было названием мужчины с «гнездом», то есть с большой семьей; в БО Гнездиловых много, и не только в с. Гнездилово.

Адыгизм **лЫ** на уровне первичного общения воспринимался с элиминацией ларингала **І**, как и в **щЫ/чЫ**, и вариативности гласных после – л-. Приведем часть фамильных антропонимов, базы которых включают л-компонент: **БорзиЛов**, **ГородиЛов**, **ЖениЛов**, **МужчиЛь**, **ПобудиЛов**, **СмекаЛов**, **СтрепетиЛов**, **ХорошиЛов**, **ЦукаЛов**; особенно выделим **ПатриЛо**, где при наличии ф. **Патрин** и **Патров** можно видеть древнюю и.-евр. основу **патер**.

На другом уровне общения, который мы называем условно вторым, для ларингала **І** появились субституты. Так, при более позднем контакте юго-восточных славян и адыгов появились субституты в виде т. Два адыг. имени, созданных из двух основ при разном их расположении, – **лЫ** «мужчина» и **махуэ** «счастье», дали **ЛЫмахуэ** и **Махолл**, отразившиеся в рус. фамилиях **Тлимахов** и **Махотлов**. В условиях разноплеменных и одновременных контактов для **І** появился субститут **к**, как у предков римлян и греков: **Фемиста** – богиня справедливости, **ФемистоКл** – ребенок или мужчина, посвященный ей; **СофоКл**, **ПатроКл**, **ГераКл** – как мужчина Геры (исполняющий ее волю) и др. Понятно, что второй уровень общения складывался исторически, причем нужно учитывать и включение одной этнической группы в другую – при смешанных браках, рабовладении и т.п. В БО и смежных областях первичный л-компонент свидетельствует о значительной древности именно примарного непосредственного общения разнолингварных племен и сообществ.

Ойконимы БО **Черкасское** и **Новочеркасский** перекликаются с **Черкассы** на Украине, что связывают со сравнительно поздним поселением части северокавказских черкесов, откуда и сравнительно недолгое именование современных украинцев черкасами, однако этому противоречит широкая распространенность в БО и смежных областях фамилий **Черкасов**, **Черкашин**, **Черкашен**, **Черкизов**, **Черкасский**. Массовость адыгского материала, лишь частично представленного нами по БО, свидетельствует, что фамилии отражали и этническую принадлежность предков их родителей. К весьма древним относим ф. **Ваганов** при убых. **ваган** «дуб». Слово **ваган**, видоизменяясь фонетически, называет посуду **из дерева** – в слав., балт., морд., фин., греч. и лат. языках (16, с.264), прочнейшую же древесину дает дуб. Наибольшее распространение дуба – центр Восточной Европы. Словом **ваган** объясняется бывш. д.**Ваганьково** в Москве,

второе название крестьян Ярославской обл. – **ваган, ваганка** (видимо, по роду занятий). Привлечение адыгского материала помогает во многом снять ту «загадочность» многих топонимов Волго-Очья, о которой говорил Б.А.Серебренников (17, с.20).

Восточные славяне Киевской Руси называли обитателей практически почти всего донецко-донского региона **половцами** и **касогами**. Оба слова не имеют удовлетворительного толкования. Для первого предлагаем обратить внимание на то, что за ним нет хозяйственного смысла «поле»; вернее обратиться к греч. **полемикос** «воинственный; враждебный» при **полемос** «война». Действительно, адыго-славянское сообщество донецко-донского региона, владевшее СРВ и лучшими землями, было достаточно боеспособным, чтобы заставить удалиться отсюда почти все индо-европейские племена, кроме юго-восточной части славянства. Важно отметить, что именно эта часть славян получила именование **хохлы**, что связано со ст.-каб. **хахо** «герой»+**ллы** «мужчина». С другой стороны, обитатели СРВ и смежных земель были здесь древними постоянными жителями, почему можно обратиться к слову **касоги** как второму именованию адыго-славянского сообщества. Это именование возникло, видимо, в устах угров – венг. **кёзшег** – «село», «община», причем в базе видим отражение того же ст.-каб. **коже**, совр. **къяужэ** «селение, деревня», что и в названии с.Старокожево. Угризмы в изучаемой нами зоне до настоящего времени представлены во многих онимах, но менее – в БО, более – в Воронежской и Липецкой областях. Укажем в последней **Мещерский заповедник** – по названию мещеры, одной из угорских групп позднего обитания в Восточной Европе. Самоназвание древних адыгов **атыхэ, антыхэ** отразилось лишь в названии сравнительно позднего – середины I тыс. н.э. союза **антов**.

Мы соглашаемся с теми авторами, которые связывают слово **казаки** с **касоги**, имея в виду возможность различных фонетических вариантов второго из них как старого угризма на адыгской базе. Фамилии **Казак, Козак, Казаков, Казаченко** и под. широко представлены во всей южной части Восточной Европы. Славянский князь Мстислав победил вождя касогов Редедю, но были и обратные ситуации. В БО ойконим **Редины Дворы** едва ли не сохраняет имя старого вождя, имеющее связь с адыгской лексикой. Фамилии БО **Кобяков, Кобиков** напоминают имя хана Кобяка, отметим также ф. **Куропа**. Интересно сохранение ф. **Шовгеня**: **шоген** – название православного священника у адыгов, познакомившихся с христианством задолго до их исламизации, связанной только с началом XVIII в. Переход на арабские и тюркские имена почти совершенно закрыл для нас доступ к исконным адыгским именам.

Значительная компактность материала, позволяющего различные онимы мотивировать адыгскими лексическими средствами именно в БО и – шире – на СРВ, свидетельствует, что именно здесь – устойчивое хозяйствование при значительной еще заводненности левобережья Днепра: здесь выращивали ячмень, название которого отразилось в слав. **хлеб** и ряде других языков, восходя к адыг. слову **хьэ** «ячмень» в сложении **хьэлыгъуэ** – букв. «ячменя мясо печеное» (18, с.233), только здесь предки саамов могли заимствовать адыг. **риссык** «ржаная лепешка» при каб. **ерыскы** «пища», которое является древним арабизмом (сюда же – рус. **ириска**).

Были здесь у постоянных обитателей – остаточных финно-угров, адыгов и юго-восточных славян совместные действия при вторжении войск Дария и более поздних, были и определенные усобицы, но преобладала именно **сожительность**, проявившаяся в частности в том, что в Лебяжьинской дюнной гряде в Курской области «вместе, в одном слое... лежали черепки сосудов, подобные княжьинским и лебяжьинским урнам, и типичные черняховские...» (19, с.68): это VI-VII вв. н.э.

В отношении весьма далекого прошлого еще раз отметим именно сосредоточенность первичных и вторичных обитателей Восточной Европы на Среднерусской возвышенности и ближайших землях. Именно отсюда унесли предки греков морд.слово

пуло в значении «совокупность» и превратили его в фамильный суффикс – тип **Христопуло**; отсюда из ст.-адыг. *чиладые и др.-рус. **челядь** «наши младшие», и коми **челядь** «дети», и англ. **чайлд** «ребенок»; отсюда предки римлян унесли глагол **лаво** «мыть» при морд. **плавомс**, саам. **лааввке** – то же; отсюда, почти не изменив, унесли предки французов слово **хоублон** «хмель» при адыг. **хъумбылэ** – то же. Однако все эти следы требуют особого освещения.

Закрепление на Среднерусской возвышенности с достаточной четкостью значимости адыгского этноса для юго-восточных славян было весьма важным. Часть славянства ушла или была вынуждена уйти за Днепр – это западные славяне. Из юго-восточных славянских племен часть поселилась по среднему течению Днепра – поляне, древляне. Оставшиеся на СРВ и ставшие северянами и вятичами племена вошли в сообщество с местными финно-уграми и адыгами, причем последние, видимо, преобладали. После вторжения Дария большая часть финно-угров отошла к Волге и к северо-востоку, после разрушения антского союза предки обских угров вынужденно отошли за Урал. Оставшееся на Левобережье Днепра славяно-адыгское сообщество прочно занимало те земли, которые прилегали к СРВ, и весьма упорно охраняло эти земли, не допуская сюда среднеднепровских славян, будущих киевлян. Последние именно поэтому имели пути лишь на юг – до Византии (хотя и с трудом), и к северу, но не к востоку. Эту картину очень хорошо отражают карты XI-XII вв. (20, с.21,219). С другой стороны, очень важны свидетельства путешественников, побывавших в эти века в Булгаре. Они единогласны в том, что к западу от Булгара – большая страна с городами, но жители ее не пускают к себе иноземцев, но убивают их. Татаро-монгольское нашествие многое изменило в жизни обитателей Восточной Европы, но в донецко-донском регионе славяно-адыгское сообщество против пришельцев сражалось весьма упорно. Показательно, что в Белгородской, Воронежской и Липецкой областях топонимических тюркизмов почти нет. Из этого региона при развертывании боевых действий против агрессоров, видимо, со времени прихода скифов и Дария, раненые, женщины с детьми и старики постепенно отходили к северо-западу, к Сожу, унося со СРВ аканье для будущих белорусов, ряд явных лексических адыгизмов, складывая новые славяно-адыгские композиты, определяя возможность найти «сухую»/«хорошую» землю среди рек и болотистых лесов той послеледниковой впадины, которая стала землей белорусов. Другие же женщины и старики отходили к югу, прижимались к горам – и много русизмов и древних славизмов в адыгских языках. Рядом горевали славянки и адыгские женщины, говоря **Горе!** и **Мыгъуз!** «несчастье», чтобы осталось в русском языке сочетание **мыкать горе** и слово **горемыка**.

Заклучим изложение материала утверждением того, что северяне и вятичи – потомки тех славян, которые, как и все индоевропейцы, пришли сюда с востока (21), достаточно дружелюбно контактировали с местным населением, но не превратились ни в финнов, ни в адыгов, лишь обогащаясь благодаря доброму соседству и общей борьбе.

В донецко-донском регионе «дикого поля» не было.

Литература

1. Федорова М.В. Следы древности в белгородских ойконимах // Исторические названия – памятники культуры. В.3. – М., 1991.
2. Жиленкова И.И. Ойконимы Белгородской области (семантика и словообразование в синхронном аспекте). Дисс. канд.филол. наук.– Белгород, 1996.
3. Фролов Н.К., Федорова М.В. Фонетика воронежских фамилий // Материалы по русско-славянскому языкознанию. IV.- Воронеж, 1969.
4. Принятые в статье сокращения: адыг. – адыгские языки, слова; абх. – абхазский язык; блр. – белорусский язык; герм. – германские языки; др.-рус. – древнерусский язык; и.-евр. – индоевропейские языки; каб. – кабардинско-черкесский язык; рус. – русский язык; слав. – славянские языки, слова; ст.-каб.

- старокабардинские написания по кн.: Ногма Ш.Б. Филологические труды. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Т.1. – Нальчик, 1956; убых. – убыхский язык; укр. – украинский язык; ф.-уг. – финно-угорские языки; франц. – французский язык. Буква **ф**. предваряет фамилии.
5. Федорова М.В. Славяне, мордва и анты. – Воронеж, 1967.
  6. Федорова М.В. Северянские ойконимы // Северо-кавказские чтения. В.4. – Ростов-на-Дону, 1992.
  7. Федорова М.В. Следы финно-угорского населения на территории Белгородской области // Истоки. В.1. – Белгород, 1993; Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии. – Белгород, 1995.
  8. Федорова М.В. Среднерусская возвышенность как прародина славян // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания. – Ростов-на-Дону, 1997.
  9. Тюркоязычность половцев не доказана. См.: Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчакский язык XVI-XVII вв. в освещении современников // Вопросы языкознания, №5, 1981.
  10. Николаенко А.Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь?.. – Волоконовка, 1991.
  11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.Ш. – М.: Прогресс, 1971.
  12. Фасмер М. Указ. соч. Т.1. – М.: Прогресс, 1964.
  13. Фасмер М. Указ. соч. Т.II. – М.: Прогресс, 1967.
  14. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972.
  15. Федорова М.В. Констратные факты в Восточной Европе // Финно-угроведение, № 3-4. – Йошкар-Ола, 1995.
  16. Фасмер М. Указ. соч. Т.1.
  17. Серебренников Б.А. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания, № 6, 1955.
  18. Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР.
  19. Александров-Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. – Воронеж, 1971.
  20. См.: Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. – М.: Учпедгиз, 1956.
  21. Леман В.П. Новое в индоевропейских исследованиях // Вопросы языкознания, №№ 4,5. – М., 1991.

Категория степеней сравнения имен прилагательных: аналитические формы и аналоги

Л.И. Ушакова

Категория степеней сравнения имен прилагательных привлекла наше внимание в связи с тем, что в лингвистической и учебной литературе она рассматривается неоднозначно, по-разному выглядит парадигма входящих в нее членов. Формы типа “добрее” и “добрейший” рассматривают и как синтетические формы степеней сравнения (см. большинство вузовских учебников и школьные учебники), и как словообразовательный феномен (1, с. 444-445). В Гр-80 парадигма категории степеней сравнения двучленна: добрый – добрее; формы типа “добрейший” отнесены к словообразованию, а все составные образования (более/менее добрый, самый добрый, наиболее/наименее добрый, добрее всех, добрее всего, нет добрее) к описательным построениям (2, с. 547).

В данной статье предпринята попытка дифференцированного подхода к словесным комплексам, выражающим значения сравнительной и превосходной степени, попытка ответить на вопрос: какие из данных комплексов являются аналитическими формами степеней сравнения, какие представляют собой аналоги.

Критерии определения и выделения аналитических форм в грамматике мало изучены. Обычно отмечают большее или меньшее ослабление лексического значения